

Ермак, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Алексея Хомякова

М. В т. Селивановского. 1832. 167 стр. in 8.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

В наше время теория драматической поэзии рассмотрена, объяснена, исследована до высокой степени совершенства. Надобно быть знакомым с творениями знаменитых критиков, осветивших внутренний смысл драмы древней, шекспировской и классической, чтобы верно судить о явлениях драмы новой. Таково благородное назначение, такова сила истины: раскрываясь перед умственным оком немногих счастливых любимцев своих, она, избирая их своим органом, через них распространяет свет свой на всех, без исключения. Впрочем, не будучи ни волшебством, ни чарованием, истина и должна существовать для всех людей, ибо иначе она не была бы истинною. Вследствие сего закона, теория драмы в наше время существует одна для всех, за исключением немногих упрямых и ленивых умов, подобных алеутским островитянам, которые, лежа в десяти шагах от ручья светлой воды, жалуются на жажду и умоляют прохожего согнать их с места и заставить напиться. Но где возбудительный прут для наших ленивцев? Оставим их лежать на месте и обратимся к своему предмету.

Почти все главные теоретические вопросы драмы решены. Остается пояснить немногое и согласиться в неконченных вопросах о единствах, о выборе прозы или стихов и подобных предметах. Но это уже частности, которые каждый народ должен решать отдельно для себя, соображаясь с своим языком, своею частною привычкою, своими обычаями. Например, разве бог поэзии мог бы переделать французские александрийские стихи в пятистопные без рифм, но французам это невозможно, ибо несвойственно с навыком их слуха.

Не странно ли, однако ж, что теория, столь хорошо объясненная, согласная с умом и требованиями всех, одним словом, истинная теория нашей драмы не имеет никаких практических доказательств ни у нас, ни у французов? В самом деле, осмотритесь и укажите хоть на одно произведение современное, которое было бы достойно теории Шлегелей, Шиллеров, Экштейнов, извлекающих ее из бессмертных творений Шекспира, Кальдерона и первобытных драм, столь близких, столь сообразных идеалу искусства? Нет, ничего нет! Ни В. Гюго, ни А. де Виньи, ни Пушкин не удовлетворяют нас. Отчего?

Неужели теория новая недоступна для наших сил? Безрассудно было бы подтвердить сие, но не совсем кстати было бы и нам предаться исследованию столь огромного вопроса в статье, где главная цель наша: показать настоящее место "Ермака" в современной драме. Мы по необходимости должны объясниться кратко. Новая теория не произвела ни одного великого создания именно потому, что она еще слишком нова. Где изложена сия теория? В полемических статьях, где оспаривали прежнюю классическую теорию, где разрушали ветхое здание чопорной драмы многих подражателей древним. Но когда время разрушения было временем создания? И могут ли с творческим спокойствием приняться за создание нового те руки, которые на поле спора били врагов? Оканчивались ли в одно, в два, даже в три поколения всемирные перевороты? Мы только разрушители в драме. Без внутреннего сознания наши драматические писатели находятся под влиянием классической драмы еще более, нежели они воображают себе. Причина понятна: они составили теорию свою, изучая образцы чужеземные; но по глубоким впечатлениям, по воспитанию, по привычке остались классическими французами. Не из души, глубоко проникнутой событиями родными или современными, явилась наша новая драма, которой у нас образцы "Борис Годунов" и "Ермак". Скажем мимоходом, что главный недостаток "Бориса", по мнению нашему, в том, что автор его слишком *материально* подражал Шекспиру, не сообразив различия времен и народов и различия источников, из коих черпал наш поэт и Шекспир.

"Ермак", по времени сочинения, едва ли не старше "Бориса" и, во всяком случае, он отрасль того же дерева, которое родило трагедию Пушкина. Автор "Ермака" принадлежит к новой школе русских драматистов; он проникнут духом преобразования; он принадлежит к реформаторам старой трагедии. Притом дарование его чрезвычайно замечательно. Все это обязывает нас заняться тщательным разбором его трагедии, дабы увидеть: до какой степени простерлись наши успехи в деле драматической реформы?

Сбросив с себя оковы единств, вступительного акта, изложения, академических ситуаций и проч., автор мог дать полную свободу своему воображению и думать об одном неизбежном единстве *действия*, об одном интересе общем во всех частях драмы, которые должны принадлежать к одному, главному событию. Но, воля ваша! я не умею представить себе, что можно приходить в восторг систематически, как то делывалось прежде и, по-видимому, делается ныне. Сначала автор задает себе тему: написать